

Инна Баргинская

Детектив
сильных
страстей

ЭКСМО

Вторая Невеста

Детективный триумvirат

Инна Бачинская

Вторая невеста

«ЭКСМО»

2013

Бачинская И. Ю.

Вторая невеста / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2013 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-68380-2

Федор свернул на едва заметную дорожку в католическую часть кладбища, где доживали свой век старинные усыпальницы польских купеческих семейств с позеленевшими мраморными ангелочками... Закрытое кладбище – прекрасное место для тайника. Лист среди листьев, тело среди тел... Он стоял на заросшей дорожке, рассматривая ближайший склеп, справедливо полагая, что убийце не было резона прятать труп далеко. Если станут искать – перевернут здесь все, а нет – зачем стараться? Внезапно луч света отразился от стекляшки, лежащей на ступеньке склепа. Луч попал Федору в глаз, он зажмурился. Потом подошел к ступенькам и поднял золотую цепочку с подвеской – блестящим белым камушком. Дверца склепа оказалась приоткрытой, Федор толкнул ее и вошел. Запах сырости и тления ударил ему в нос. Федор подался вперед, чтобы рассмотреть... На полу тесного склепа он увидел белое платье и красный жакет. Он нашел ее...

ISBN 978-5-699-68380-2

© Бачинская И. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Инна Бачинская

Вторая невеста

*...Напишу я на вас неотвязные лозы... и род ваш проклятый
джунгли сметут, кровли обрушатся, балки падут, и карелою, горькой
карелой дома зарастут...*

Аркадий и Борис Стругацкие. Улитка на склоне, гл. 9

Пролог

Спасибо, что пришли. Нам нужно поговорить. Вы не знаете всего...

Они шли не торопясь по центральной аллее старого парка. Сгущались ранние осенние сумерки, было тепло и безветренно. Туман наползал с реки, затягивая все вокруг белой пеленой; желтые деревья наплывали, покачиваясь, и исчезали неторопливо.

Они свернули в глубь парка. Глухо зашуршали листья под их ногами.

– Снова осень... – В голосе слышны ностальгические нотки.

– Что вы хотите мне сказать? – Это прозвучало сухо и деловито. Красоты осеннего парка оставили женщину равнодушной.

– Вы хорошо знаете человека, за которого собрались замуж?

– Да. Я прекрасно его знаю. Еще что?

– Сомневаюсь.

– И вы решили открыть мне глаза? – Она обидно рассмеялась. – Что он пьяница, наркоман, бабник, вор?

– Вас это, кажется, не трогает?

– Нет! А такие, как вы... чего вы лезете? Чего свой нос суετε? Что вам нужно? Он что, ограбил вас? Кинул в бизнесе?

– Он меня предал.

– Как громко! – Она снова рассмеялась. – Все мы кого-то предаем! А вы...

Больше она ничего не успела сказать. Человек, идущий рядом, вдруг выдернул из кармана плаща толстый витой шнур, быстрым движением набросил ей на шею и резко потянул. Она вскрикнула и, ломая длинные ногти, вцепилась в шнур.

Еще минуту они топтались на месте, разбрасывая шуршащие листья, и вскоре все было кончено. Оглянувшись, убийца потащил жертву в центр поляны.

Парк был пуст, тих и темен. Слабо светились желтые деревья. Клубящийся туман скрадывал звуки торопливых шагов...

Глава 1

Исчезновение

Капитан Коля Астахов запаздывал. Как всегда. Федор Алексеев, преподаватель философии местного университета, и Савелий Зотов, главный редактор местного издательства «Арт нуво», верные друзья и соратники вышеупомянутого капитана, сделали заказ, терпеливо его ждали и беседовали. Бар «Тутси», излюбленное место сбора троицы, был не заполнен и полутемен по причине раннего времени. Разгул начнется ближе к полуночи, если по отношению к «Тутси» применимо подобное словцо. «Тутси» был приличным баром для приличной публики. Здесь не случалось ни драк, ни скандалов, и полиция сюда, говорят, ни разу не приезжала – во всяком случае, завсегдатаи такого не припомнят. В этом баре все было чинно и солидно, для понимающих людей. По стенам – фотографии средней руки знаменитостей в обнимку с Митричем, хозяином – он же бармен, – неплохие урбанистические карандашные наброски местного художника, и певица с гитарой по средам, пятницам и субботам с репертуаром, не режущим ухо, – романсами в основном и фольклором. Голос у нее небольшой, но приятный.

Сияет разноцветно радующая глаз стойка бара, за ней незыблемо царит толстый Митрич с салфеткой через плечо, похожий на снулую рыбу. Все как всегда. Время не коснулось «Тутси», в его зале своя особенная неторопливая атмосфера закрытого аквариума, что особенно нравится завсегдатаям.

Коля Астахов примчался взмыленный, бросил «привет» и упал на стул.

– Ну, все! – воскликнул Федор, предупреждая первую фразу капитана. – Уходишь, на хрен, к брату в бизнес!

– Не дожидетесь! – откликнулся Коля. – Думаешь, если ты смылся в свою бурсу морочить людям голову насчет смысла жизни, так и все такие? А работать кому? И так из толковых у нас никого не осталось, подались кто в бизнес, кто в киллеры.

– Что случилось, Коля? – спросил Зотов.

– Разве ты не знаешь, Савелий, пропала девушка, – ответил за капитана Федор. – В городе только и разговоров, что о ней.

– Какая девушка?

– Ты хоть иногда газеты читаешь, романтик? – вызверился на Савелия Коля. – Или только свои бабские книжки? Какое сегодня число, знаешь?

– Обыкновенная девушка, Савелий. Исчезла почти неделю назад. Коля, что-нибудь есть по этому делу? – спросил Федор.

– Да почти ничего... – махнул рукой капитан, остывая. – Ее зовут Алина Полякова. Исчезла восемь, возможно, десять дней назад, точная дата неизвестна. Подруга говорит, видела ее в последний раз пятнадцатого июля, они провели вместе весь день, вечером, около десяти, разбежались. Алина собиралась в «Магнолию» за продуктами, на другой день, шестнадцатого, возвращался ее жених, а в доме шаром покати, жрать нечего. У них свадьба через неделю. Жених задержался на день, вернулся семнадцатого, ее не застал, думал, осталась у подружки. Искать не стал, сразу дунул на работу – он занимается перевозками, заключил выгодный договор, не терпелось обсудить в коллективе. Говорит, спохватился на другой день, восемнадцатого, позвонил подружке, а та ни сном ни духом. Расстались вечером пятнадцатого, говорит, она позвонила Алиночке на другой день, хотела узнать, как там он, Павлик, и вообще, но та не ответила. Подругу зовут Полина Скорик, работает массажисткой в спа-салоне «Альбина». Алина Полякова трудится там же менеджером мужского зала, у них и мужики, оказывается, ошиваются. – В голосе капитана прозвучало неодобрение. – Познакомилась с будущим женихом тоже в салоне, он что-то им привозил. Зовут его Павел Зинченко, у него транспортный биз-

нес. Встречались два года и решили пожениться. Свадьба первого августа, а невеста исчезла. Сегодня у нас... – Коля Астахов задумался.

– Двадцать пятое, – подсказал Савелий Зотов.

– Да, двадцать пятое, и ничего! Ни следов, ни звонков с требованиями выкупа. Машину ее обнаружили в Бородинке восемнадцатого июля, в семь утра – красная «Тойота»... кстати, принадлежит жениху... в сорока километрах от города. Не в самой Бородинке, а не доезжая пару кмэ, в роще. Обнаружил ее местный житель Родион Крот, по прозвищу Родик-с-Приветом, который собирает грибы и ягоды и ловит рыбу, тем и живет. Огородом не занимается по причине слабого здоровья. Увидев бесхозную машину, попытался ее «раздеть», но не успел – подошли другие грибники. От нечего делать они стали строить версии, разошлись искать владельца, кричали, аукали, а потом позвонили нам.

Мы пробили номер, вышли на жениха. Поехали, забрали машину. Она чистая – в салоне и в багажнике следов крови нет, следов борьбы тоже, все в полном порядке. Простояла там, похоже, несколько суток. Из-за ливня грибники притормозили, потому и не нашли ее сразу. Она стояла в небольшой впадине в лесиннике, почти незаметная.

– А пальчики? – спросил Федор Алексеев.

– Пальчики исключительно жениха и невесты, внутри. Снаружи... дождь смыл.

– Или вытерли.

– Или вытерли. Хотя все знают, что без перчаток ни один уважающий себя... короче, даже любитель не действует, я уже не говорю о профи. Так что ничего и вытирать не нужно.

– Ее вещи? Сумочка? Одежда? Губная помада под сиденьем?

– Ничего, пусто.

– И что это, по-твоему?

– Что, что... откуда я знаю? Полякову могли вызвать туда, она приехала, а ее... Мы там облазили всю рощу с собакой, показывали фотографию в самом поселке, спрашивали про машину. Никто ничего, в девять вечера поселок вымирает. Встают в шесть, а ложатся в десять. Ее могли привезти туда... не факт, что за рулем была именно она.

– Ее могли увезти в другой машине, а «Тойоту»...

– Сами не дураки, – сказал Коля с досадой. – Думали уже. Потому и тачку спрятали.

– Зачем ее прятать? – не понял Савелий.

– Чтобы не засветить, – объяснил Федор. – Убрали с парковки, чтобы не засветить раньше времени.

– С какой парковки?

– С любой. Девушку увезли, а машину забросили в Бородинку.

– Почему она не могла приехать сама? Ее позвали, и она... приехала, – осведомился Зотов.

Коля и Федор переглянулись. Капитан ухмыльнулся, а Алексеев объяснил:

– Могла, Савелий. Коля же сказал. Это по одной версии. Ей позвонили, и она поехала. Но есть и другие. Например, наша девушка приехала в магазин за продуктами и запарковала машину на стоянке. А оттуда ее увезли...

– Как увезли? – не понял Савелий.

– Пока не знаю. Возможно, она села в чужую машину по своей воле, поговорить, например, встретился старый поклонник, то-се, а он взял и умыкнул ее. А возможно... не добровольно. То, что человек этот или его сообщники убрали со стоянки ее тачку, говорит... о чем, Савелий?

– Ну, они не хотели, чтобы машину нашли сразу, наверное, – сообразил Савелий. – И чтобы узнали, откуда она исчезла и когда.

– Верно. Представь себе, что она отправилась в «Магнолию», как сказала подружке, встретила там кого-то... и так далее. – Федор рассуждал увлеченно. Савелий внимал, сверля

его напряженным взглядом. – Магазин работает до одиннадцати, потом парковка пустеет, и ее «Тойота» привлекла бы внимание охранника. Таким образом, у розыскников были бы дата и время исчезновения, а теперь поди знай – то ли пятнадцатого, то ли шестнадцатого, то ли вообще восемнадцатого. Кроме того, никто ее не хватился, вот такое благоприятное стечение обстоятельств, для преступника то есть.

– Не канает! – с удовольствием сообщил Коля. – Она вернулась домой после «Магнолии», в холодильнике полно продуктов.

– Ты думаешь... ее... – Савелий запнулся.

– Не знаю, будем надеяться на лучшее. Невесты, Савелий, случается, иногда сбегают из-под венца. В дамских романах это частый сюжет, сам знаешь. Многие из них кончаются свадьбой, другие начинаются с исчезновения невесты. Девушки с артистической натурой могут обставить собственное исчезновение с креативом. Может, она мстила жениху за... мало ли за что. Хотела свадьбу устроить на полную катушку, а он сказал: понимаешь, экономический кризис, так что извини. Кстати, ты говоришь, Зинченко задержался, вернулся на день позже... – Федор повернулся к Коле.

– Задержался, потому что на радостях напился с клиентами и за руль сесть не смог. Он был на своей машине – «Лендровер» последней модели. Как я понял, этот Павел без нее и мусор не выбросит. Живет за рулем. Остался в гостинице, выехал около двенадцати на следующий день, то есть семнадцатого. Гнал как ненормальный, в пять был уже дома, одолел шестьсот километров и сразу помчался на работу. Алиби, как вы сами понимаете, у него нет. В гостинице был один, никто его там не видел.

– Ты думаешь, он мог вернуться домой и... Он же был пьяный! – воскликнул Савелий.

– Мы этого не знаем, Савелий, – сказал Коля на удивление миролюбиво. – Это он так говорит. Мы вышли на двоих, с которыми он обмывал сделку, – один вообще ничего не помнит, другой показал, что они сидели до восьми вечера. Потом Зинченко сказал, что ему надо ехать... Когда – тот не понял, то ли сразу, то ли на другой день. На том и распрощались. Так что с восьми вечера до полудня следующего дня, как в том анекдоте – можно многое успеть до прихода санитаров. Четыре туда, четыре обратно.

– Как-то все это... сложно... – пробормотал Зотов.

– А как бы ты действовал, интересно, если бы решил убрать невесту? – спросил Коля, и оба с интересом уставились на Савелия.

– Я? – испугался тот. – Зачем ее убирать? Можно просто расстаться.

– Можно, Савелий. Но люди почему-то убивают. Может, вернулся раньше времени, а она не одна, он и... – Коля прищелкнул языком. – Действовал в состоянии аффекта. Народ сейчас нервный. Кроме того, за два года накопилось. И вот, Савелий, сидит он в теплой компании и делает вид, что пьет, а сам не пьет – представляешь силу воли?

– Никогда не возвращайся раньше времени, Савелий, – сказал Федор. – Или предупреждай.

– Это ты ему как философ советуешь? – ухмыльнулся Коля.

– Как друг. Я пошутил. Это не наш случай, Зинченко вернулся не раньше, а вообще опоздал. К тебе это не относится, Савелий. Твоя Зося как жена Цезаря – выше подозрений. Как она, кстати? И дети?

– Хорошо! – просиял Зотов. – Настенька получила первый приз в певческом конкурсе...

– Она у тебя уже поет?

– Первое место в детсадике!

– Поздравляем! Чего ж ты молчал?

Савелий, улыбаясь смущенно, пожал плечами.

– Вернемся к нашим мутонам, – сказал Федор. – Какие у них отношения, Коля? Что говорит подружка-массажистка? И вообще, что ты можешь сказать о женихе и невесте?

– Павел Зинченко здоровый мужик, разменял сороковник, с характером, работа собачья, вечно в разъездах, может за себя постоять. Фирма процветает, есть постоянные клиенты, даже за рубежом. Под свадьбу сняли банкетный зал в «Прадо», а цены там сами знаете какие. Так что обижаться невесте не на что. Подруга Полина говорит, что Павел вроде был против банкета сначала, но Алина настояла, пригрозила, что уйдет, он и сдался.

– Он раньше был женат? – спросил Федор.

– Не был, но собирался... – сказал Коля. Выдержав паузу, добавил значительно: – Его первую невесту убили накануне свадьбы!

Впечатлительный Савелий ахнул.

– Убийцу нашли? – спросил Федор, помолчав.

– Не нашли, и дело зависло. Зинченко ходил в подозреваемых, свидетели показали, что жених и невеста часто ссорились, даже дрались. Но у него было алиби на сей раз железное – ночь, когда она была убита, он провел у своей старой подруги, загулял перед началом семейной жизни. Повезло ему, можно сказать. Родители невесты были уверены, что убийца – Зинченко, но ему удалось откупиться. Мать вообще была против брака – работа у него собачья, денег мало...

– Когда это случилось?

– Восемнадцать лет назад. Ему было двадцать два, сейчас сорок. Убийство надолго отбило у него охоту жениться, как я понимаю, и он догулял до сорока. С Алиной, теперешней невестой, встречался два года, все не решался узаконить отношения. Лично я думаю – боялся.

– Его можно понять. Люди за рулем, как правило, суеверны, – заметил Федор.

– Ты думаешь, он боялся, что... и эту? – спросил испуганно Савелий.

– А ты бы не боялся? Если он не убийца, то перепугался на всю оставшуюся жизнь.

– Ты считаешь, он... мог убить? – спросил Зотов у Астахова.

– А что говорят твои книжки, Савелий? Подумай, вспомни что-нибудь о пропавшей невесте... этакое, в готическом стиле, а?

Савелий пожал плечами и промолчал.

– Как ее убили? – спросил Федор.

– Задушили шнуром... видимо, от портьеры. Такой толстый, витой. Я поднял дело, просмотрел. Нашли ее в парке, была осень, октябрь, там цветные фотографии: она лежит на желтых листьях в красном пальто, черные чулки и перчатки, без туфель. Как будто позирует. Ноги длинные, тонкие... Шнур тоже черный. Причем упала она сначала лицом вниз, потом ее перевернули.

– А где туфли? – спросил Савелий.

– Не нашли. Убийца унес их с собой... видимо.

– Это говорит в пользу Зинченко, – заметил Федор.

Коля кивнул.

– Почему? – не понял Савелий.

– Зинченко не стал бы возиться с туфлями, не тот психотип, Савелий. Такие, как он, действуют спонтанно... кулаком или топором, да и переворачивать ее не стал бы. При ней были какие-нибудь личные вещи? Деньги, сумка? – спросил Федор.

– Ничего не было. Лежит, глаза открыты, смотрит в небо... даже непонятно, что мертвая. Пришлось повозиться, чтобы установить личность, – ответил Астахов.

– Какие еще есть версии?

– Ну, какие... сексуальный маньяк, месть – ей или Зинченко. Тогда, если помните, был вообще беспредел, людей мочили за копейку. Или случайный убийца. Перелопатили все их связи, старых друзей и любовников, нигде ничего.

– Сексуальный маньяк?

– Девушку не тронули, если ты об этом. Сексуальный в том смысле... как-то он разместил ее, разбросал ноги, руки сложил на груди, красное и черное на желтом... жуть, одним словом. Впечатление, что убийца больной на голову. Была объявлена свадьба, и вдруг за три дня до нее девушка не возвращается домой. Ее мать звонит Зинченко, а он говорит, что не видел невесту со вчерашнего дня, а назавтра ее нашли.

– А с кем он был той ночью?

– С подругой детства. Когда-то встречались в юности, потом разбежались и с тех пор не виделись. А тут вдруг случайно столкнулись, нахлынули воспоминания и... так далее. Мать этой девушки считала, что убил дочь Зинченко, как я уже сказал. У него была репутация бабника, пьяницы и скандалиста. Бычара, одним словом. Это сейчас он остепенился. А может, после того случая.

– А если перевернул не он? – вдруг спросил Савелий.

– Что перевернул?

– Если убил Зинченко, а перевернул тело и унес туфли кто-то другой?

Ни Федор, ни Коля не ответили...

Потом Астахов произнес неопределенно:

– Работаем, Савелий. – Вдохнул и добавил: – А чего это мы сидим, как на празднике в детсады? Федя, давай, скажи что-нибудь жизнеутверждающее... из древних философов. Или спой.

– Знаешь, Коля, мнения философов в вопросе о смысле жизни расходятся. – Федор пожал плечами. – У каждого свое. Один отдает предпочтение материи, другой – духу. Один неглупый человек сказал по этому поводу: «Лучше быть недовольным Сократом, чем довольным дураком». В общем, выбирай, что нравится.

Коля хмыкнул:

– Так это что же получается... Если ты доволен, ты – дурак? А если недоволен, то Сократ? Я, например, редко бываю доволен, и что, я теперь Сократ?

– Он имел в виду, что не только материальным жив человек.

– Это ежу понятно, – сказал Коля, – не надо быть философом. Этот неглупый, как ты сказал, мужик не прав – между дураками и Сократом много еще всяких, ни туда и ни сюда. И потом, часто не мы выбираем, а нас. Вот я работаю в ментовке, потому что мне это нравится или потому что я так устроен от природы? Или ты, Федор? Или Савелий с бабскими книжками?

– То есть ты спрашиваешь, свободны ли мы в своем выборе? Или природа, или кто-то решил за нас? На этот вопрос четкого ответа тоже нет.

– Тогда зачем твоя наука, если она не может? На фиг она нужна?

– И этого мы не знаем. Я думаю, есть категория людей, которым нравится думать. Одному нравится охотиться, другому строить, а философам – думать.

– Знаешь, Федя, если не будет охотников или строителей, станет хреново, а вот если исчезнут философы...

– Ты не прав, Коля, – встрял Савелий. – Они пытаются объяснить, в чем смысл жизни, а каждый уже выбирает сам. Животному не нужен смысл существования, а нам хотя бы пытаться надо объяснить. Возьми десять заповедей, этот первый криминальный кодекс, тоже ведь философия. Или Библию!

– Ладно! – сказал Коля как припечатал. – Понял. А чтоб коротко, ясно и оптимистично! Есть?

– Есть. Извольте. Если хочешь быть счастливым – будь им! Вот и весь смысл.

Коля кивнул – принимается.

Они чокнулись и выпили. Астахов – одним глотком, Савелий – морщась, Федор – не торопясь, смакуя...

– У Клары проснулся материнский инстинкт, – сказал вдруг Коля. Клара была его любимой собакой буль и старой девой со сложным характером.

– Но она же, вы же ее... *это*... – Савелий запнулся.

– Мы ее... *это*, как ты выразился, но против природы не попрешь, как оказалось. Она принесла котенка и...

– Как это? – поразился Савелий. – Как она могла принести котенка? Собака – котенка?

– Элементарно, со двора. Беспризорный котенок, совсем маленький, только глаза открылись. Ты, Савелий, как-то все неадекватно понимаешь. Она никому подойти не дает, вылизывает, разговаривает с ним... представляете? Такая нежная мамаша, просто душа разрывается. Вот смотри, говорю, Ирка, и учись.

Ирочка была подругой капитана, легкомысленная моделька из мастерской кутюрье Рощенко, которую Коля безуспешно воспитывал вот уже четыре года. Не получалось из Ирочки настоящей жены мента, как он ни старался. Готовила Ирочка плохо, рубашки Колины гладила тоже плохо, не ждала у окна возвращения любимого после боевой операции, а без задних ног «давила подушку» и часто приходила домой подшофе после «модельных» междусобойчиков. Тогда Коля тащил ее в ванную под холодный душ, где отыгрывался, с удовольствием слушая ее возмущенные вопли. Идеальные отношения по схеме: взрослый – ребенок, самая устойчивая конструкция в человеческом общежитии, как объяснил однажды философ Алексеев.

– А я-то думаю, чего это мы еще не разбежались на хрен, – отреагировал на это капитан. – А тут, оказывается, устойчивая конструкция. Вроде четырехколесного велика, так?

– И что теперь? С Кларой? – спросил Савелий.

– А что с ней? С ней все хорошо. Нашла смысл жизни, довольна, воспитывает сына... или дочь. Пока не разобрать, очень маленький. Назвали – Ирка настояла – Калипсо. Что такое Калипсо, она не знает, но говорит – красиво. Теперь у нас Клара и Калипсо. Федя, что такое Калипсо?

– Это одна прекрасная женщина из Древней Греции. Так что поздравь от меня Клару с дочерью. А давайте за Клару! – предложил Федор. – За ее новую жизнь!

Тост возражений не вызвал, и они выпили.

Глава 2

Подруга

Федор Алексеев вошел в спа-салон «Альбина» и остановился у стойки, за которой парило в пространстве очаровательное существо в голубом халатике с беджиком на нагрудном карманчике, где было написано «Галина». Глаза у существа... («Барби!» – вспомнил Федор) были безмятежно-голубые, личико сверкало всеми цветами радуги и улыбалось нежно и вопросительно.

– Что-нибудь для мужчин, – произнес Федор уверенно. Эту фразу он отрепетировал заранее, как ход e2—e4, освоенный в свое время великим комбинатором.

– Могу предложить омолаживающую процедуру, – существо скользнуло взглядом, смерив Федора с головы до ног. – Она включает интенсивное очищение пилингом, масочку, реафирмирующий массажик, блефаролифт и активные омолаживающие сыворотки. – Девушка коротко задумалась и бодро закончила: – Еще бы я посоветовала вам солярий для укрепления иммунной системы, активизации обмена веществ и работы эндокринной системы, а также против хандры. У вас ведь сидячая работа? У людей с сидячей работой цвет лица требует основательной доработки.

Она выжидающе смотрела на Федора.

Он опешил, что было ему абсолютно не свойственно, и чувствовал себя как на встрече с инопланетянином. Он не все понял, но смысл сказанного ухватил: оказывается, внешность его имеет ряд недостатков, и ее необходимо очистить, омолодить, снять стресс и подвергнуть... этому... пилингу? Кроме того, доработать цвет лица, как хандроиду с сидячей работой. Или хандролитику. Они смотрели друг на друга: девушка выжидательно, Федор – вопросительно, не зная, на чем остановиться – он не смог бы повторить и десятой доли того, что она ему наговорила. Наконец он нашелся и спросил:

– Галочка, а можно мне Полину? Мой друг говорил, что она прекрасный специалист. – Получилось сомнительно, Федор почувствовал это и внутренне поморщился.

Девушка, казалось, не удивилась. Кивнула и подняла трубку белого с золотом телефона.

– Полиночка, – промурлыкала она, – к тебе пришли. – Она покосилась на Федора, и тот представил себе, как Полина на другом конце провода спросила: «Кто?» – Клиент. Мы ждем. Сейчас придет, – обратилась она к Федору. – Присядьте пока. – Она кивнула на ряд кресел у стены.

Федор оглянулся. Там сидели женщины и рассматривали его во все глаза. Он, побагровев, остался у стойки, стараясь выглядеть непринужденно. Он даже забарабанил пальцами по ее поверхности.

В холле появилась девушка приятной наружности в розовом халатике. Федор, несколько не сомневаясь, что это Полина, поспешил навстречу.

– Добрый день, – улыбнулась девушка. – Я вас слушаю. Что будем делать?

– Если честно, не знаю, – Федор понизил голос и покосился на женщин у стены.

– Пойдемте, – пригласила Полина. – Сейчас решим.

И Федор с облегчением последовал за ней.

– Может... этот... пилинг? – спросил он, когда они оказались в маленькой белой кабинке, где все было белым, стерильным и напомнило ему о больнице: белый шкафчик с сотней разнообразных флаконов и полотенцами, сильная галогенная лампа на высокой ножке, массажный стол и крошечное бюро с амбарной книгой для записи клиентов. Федор поежился. Правда, здесь еще были большое, во всю стену, зеркало и кресло, выпадавшие из стиля лечебного заведения.

– Давайте посмотрим.

Девушка кивнула на массажный стол, и Федор с опаской сел на его край. Она взяла его лицо в ладони и принялась рассматривать. Ладони у нее были сильные и нежные. На него пахло сладко ипряно, и он непризвольно сглотнул. Глаза их встретились, Федор смутился и мысленно чертыхнулся. К своему изумлению, он почувствовал, что краснеет – не приходилось ему бывать в подобных ситуациях.

– Можно массаж и освежающую маску для начала, – вынесла вердикт Полина, и Алексеев с трудом удержался, чтобы не спросить: «Ну что, есть надежда?»

– У вас хорошие природные данные, кожа чистая, не вялая, тургор нормальный, морщинки под глазами можно убрать короткими электротоками. Но это потом, я думаю.

– Согласен, – выдавил из себя смущенный Федор, чувствуя тем не менее невольную гордость за состояние собственной кожи.

– Ложитесь! – последовал приказ.

Он помедлил и стал укладываться на заскрипевший стол. Ситуация развивалась не по сценарию, им задуманному. Поговорить здесь вряд ли удастся, слышимость отличная, перегородки, скорее всего, картонные. У него мелькнула мысль извиниться и распрощаться, то есть попросту удрать, но было уже поздно. А потом, если честно, эта Полина... с ее нежными ладонями...

Федор вздохнул, сложил руки по швам и закрыл глаза.

Следующий час своей жизни он прожил как в нирване, в раю, римских термах, в гареме... выбирайте по вкусу. Насчет гарема, конечно, слишком сильно сказано, речь шла всего лишь о массаже, но Федор еще никогда не испытывал ничего подобного. Нежные ладони Полины скользили по его лицу, предварительно политому маслом с запахом... роз?... лаванды? Ему казалось, что его голова лежит у нее на коленях. Федор чувствовал теплое дыхание Полины, а ее грудь иногда касалась его плеча. Он представил себе, что сказал бы Коля Астахов, и с трудом подавил ухмылку. Он думал о том, что человеку... мужчине, в сущности, нужно очень мало, чтобы чувствовать себя счастливым. Как там у классиков... «Месь, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!» Нет, не то! Что-то о деве-рабыне, втирающей елей в лысину древнегреческого философа... Сейчас, сейчас... А! *«Взрытый наукою лоб розами тихо укрась...»* Козьма Прутков. Необходимо заметить, что древние философы знали толк в удовольствиях, кроме философов-аскетов, конечно.

– Сейчас наложим масочку, – сказала Полина, возвращая Федора на землю. – Можете подремать тридцать минут.

Маска оказалась неожиданно холодной, с резким неприятным запахом.

Через тридцать минут все было кончено – маска смыта, Федор встал на ноги и увидел себя в зеркале.

– Узнаете? – улыбнулась Полина.

– С трудом. Спасибо. – Он помедлил и спросил: – Полиночка, я не могу пригласить вас поужинать?

Девушка внимательно смотрела на него, словно прикидывая и раздумывая.

– Поужинать не получится, я занята сегодня. Но кофе можем выпить, у меня сейчас кончается смена. Устала как собака, а потому принимаю ваше предложение с удовольствием. Подождите на улице, ладно?

Федор поздравил себя с удачей и пошел расплачиваться.

Спустя полчаса они сидели в небольшом кафе.

Федор затруднялся, к какому типу женщин отнести Полину, взглядывал испытующе и тут же отводил взгляд. Согласилась пойти в кафе, но отказалась поужинать. После сеанса такого массажа редкий мужик откажется продолжить знакомство в другом месте. Но не было знака

со стороны Полины, что она готова это знакомство поддержать. Не чувствовал опытный Федор этого знака. Ни взгляда, ни жеста, ни интонации – ничего не было! Полина, улыбаясь, молча смотрела на него. И вдруг сказала:

– Можете спросить... вы ведь из-за Алинки пришли, правда?

Федор опешил. Такого удара ему еще не наносили. Он испытывал ощущения человека, которому изо всей силы врезали по лбу, причем вполне неожиданно, в мирной спокойной обстановке, где ничего не предвещало нападения.

Полина с любопытством смотрела на него, и он видел, что она сдерживается, чтобы не улыбнуться.

– Как вы догадались?

– Вы не относитесь к типу мужчин, которые ходят в косметические кабинеты. Да вам и незачем. Вы уверены в себе, знаете себе цену, вам это не нужно. Вы не задали ни одного вопроса насчет того, что сказала вам Галочка. Она всем говорит слова из нашего буклета. И все потом задают вопросы, а вы нет. Вам это не интересно. И вы не знали, чего хотите, а серьезный клиент твердо знает, он подготовился, почитал. И я подумала, что вы пришли не ради массажа. Кроме того... знаете, со мной уже три раза беседовали, спрашивали про Алину, и с другими девочками тоже, мы тут все уже настороже... А вы кто?

– Вы меня побили, Полина. Не ожидал такого аналитического подхода к моей скромной особе, вы прямо психолог. Я работал когда-то в милиции, сейчас преподаю философию в педагогическом. По старой памяти интересуюсь следствием. У меня там друзья. Мнения у нас часто расходятся, и тогда я на свой страх и риск начинаю частное расследование. Так что вы имеете полное право мне не отвечать. Меня зовут Федор, кстати. Федор Алексеев.

– Вот и познакомились, – сказала она. – Меня зовут Полина. Что же вас интересует?

Они рассмеялись.

– Все. Меня интересует все, – ответил Федор. – Что за человек ваша Алина, как вы провели пятнадцатое июля, история отношений Алины и Зинченко, а также какой он человек. Хотите кушать? Вы отказались поужинать, не передумали?

Полина рассмеялась.

– Передумала! Я не хотела, понимаете... – Она замялась.

– Пристают? – спросил Федор.

– Еще как! Но у нас с этим строго. Да и мне, если честно... Знаете, человека сразу видно, правда? Вы, как я понимаю, пришли к нам по делу и вряд ли придете еще. Знаете, какие к нам ходят мужчины? – Она, улыбаясь, смотрела на Федора.

Он рассмеялся и сказал:

– Могу себе представить. Или нетрадиционной ориентации, или самовлюбленные... нарциссы.

– Примерно так. Добавьте, с деньгами. Процедуры у нас дорогие, сами видели. Ну, кроме того, конечно, те, кто... как бы это сказать... – Она снова рассмеялась. – Алинка называла их «торговцы мордой». Артисты, политики, дикторы телевидения... Но вы не говорите никому, ладно? Мы клиентов обсуждаем только между собой.

Федор кивнул. Он украдкой рассматривал девушку – кидал косяки, сказал бы Коля Астахов, – чувствуя, что она нравится ему все больше. Неглупа, внимательна, откровенна, ни капли неуместного кокетства и умение держать дистанцию. А как красиво она его раскусила! Кроме того, чувство юмора. Плюс красивые серые глаза и очень белая кожа («Интересно, от природы или результат косметических уловок?») – мелькнула у него мысль, и еще он подумал, что теперь представляет, что они с собой проделывают). На носу Полины Федор рассмотрел несколько веснушек, а когда она улыбалась, на правой щеке появлялась ямочка.

– Знаете, у них тут есть жаркое в горшочках, обалденно вкусно! – сказала Полина. – Мы тут часто ужинаем с Алиной. Павлик работает по вечерам или ночью... – Она осеклась и посмотрела на Федора. Улыбка сползла с ее лица.

– Полина, постарайтесь вспомнить последний день... пятнадцатое июля. Где вы были, кого встречали, возможно, Алине кто-то звонил. Давайте пройдемся по каждой минуте, просеем каждое слово... – Федор запнулся. – Вы давно знакомы с Алиной?

– Мы росли вместе. Нас так и называли – Алинки-Полинки, а еще ягоды-малинки. Мы из Крыма, из маленького городка. Тут у мамы подруга, тетя Слава, она и позвала меня, а приехали мы вместе пять лет назад. Она врач-косметолог, ну и определила нас... сказала, работа чистая и денежная. Устроила на курсы, потом помогла с работой. Знаете, Федор, я ведь хотела уехать домой, но Алина попросила остаться на свадьбу, я у них свидетельница. Страшно соскучилась по солнцу, морю, по семье... и вообще. Там родители, братья, племянники, целый клан. Мама говорит, возвращайся, открыли два санатория, стало полегче с работой, я уже замолвила словечко – тебя возьмут! И так меня домой потянуло, ходила сама не своя. Но Алина попросила... Федор, что с ней? – Полина смотрела на него тревожными глазами. – К нам ходят, всех спрашивают, сами ничего не говорят...

– Не знаю, Полина. Никто не знает. Они ищут, я вот тоже пытаюсь по мере сил.

– Павлик сам не свой, пытался у меня, с кем она встречается. Знаете, у него сразу мысли об измене, работа тяжелая, он все время в разъездах, часто не бывает дома. Я его успокаиваю, а сама все время думаю – где Алина? Что случилось? Жива ли?.. Уже десять дней... одиннадцать. Дикость, нелепость! И ни звонка, ничего! В полиции думали, Алинка уехала домой, выясняли, но ее там нет, и теперь ее сестра звонит мне каждый день, спрашивает. Родители у них умерли – отец плавал, погиб на Дальнем Востоке во время шторма, у мамы – сердце... Одна сестра осталась. Я уже не знаю, что и говорить. У меня в голове не укладывается – вот так исчезнуть без следа, причем, если бы какие-то враги, ревность, брошенный парень... или ввязалась куда-нибудь... бандиты, но ведь не было ничего! Все на глазах, работаем вместе, она целый день на виду...

– Как вы провели пятнадцатое июля?

– Это был выходной, решили пробежаться по лавкам, выпили вина для «разгону крови», как сказала Алинка, часа три бродили по «Мегацентру», мерили все подряд, смеялись, настроение было приподнятое. А потом попали на выставку в Дом художника – увидели объявление, вход свободный, ну и зашли. Оказалось, персональная выставка нашей местной художницы Майи Корфу. Она там тоже была, еще журналисты и люди с телевидения. Интересная женщина эта Майя, платье шикарное, черное, почти без украшений – только кольцо омега, вроде плоской пластинки из белого металла – и все. Серебро или платина. Она вообще-то живет за границей, в Италии, здесь бывает наездами. Согласилась открыть выставку, а то в Италии ее знают, а дома нет. Алине очень понравились картины и то, что на вернисаже была сама «мадам Корфу», как назвал ее какой-то журналист. Алина как ребенок, понимаете? Яркая обертка, блеск, известность... Она прямо ходила следом за художницей, меня оттерли, да я и не лезла. Их даже сфотографировали вместе, Алинка надеялась увидеть себя в вечерних новостях. Я видела, как она что-то говорила мне, улыбалась.

Алина хотела купить что-нибудь, но я отговорила – цены просто бешеные, и потом, картины необычные, какой-то странный стиль, в буклете говорится: «метареализм», «символизм», «космизм». Я, наверное, старомодна, но мне, если честно, не очень понравилось, то есть кое-что ничего, но, в общем, не то.

– Почему? – спросил заинтересованный Федор.

– Понимаете, для меня картина или книга – это чувства, душа, мысли, если хотите, а тут слишком декоративно, нарочитость какая-то, несуразность, бессмысленность. Красные деревья, черные цветы, особенно меня поразила картина с руками: сложенные вместе ладони, в

них земля – жирная, влажная, из нее растет дерево, выписаны каждая веточка и листик, одна половина синяя, другая – фиолетовая, а под деревом – мужчина и женщина, она в белом платье невесты, он обнаженный. С его стороны ветки дерева сломаны, с них капает что-то черное, похожее на кровь... Рассматривать интересно, но как будто тебя грубо толкнули или ударили... такое впечатление, что она бросает мне в лицо свою картину, издевается – вот вам, обыватели! – Полина помолчала, потом сказала: – Вы извините меня, Федор, я не в себе все эти дни...

– Понимаю. А потом, после вернисажа?

– Мы поужинали в «Белой сове». Алина говорила только про выставку, мол, приведет туда Павлика, хотела купить натюрморт с цветами. Она еще собиралась в «Магнолию» за продуктами, приглашала меня, но я устала и поехала домой. Эта выставка так повлияла на меня, хотя были и радостные картины. Но это дерево в ладонях, и земля такая жирная, и черная кровь... бррр! Я сразу подумала о кладбище. Если это Адам и Ева, то старые мастера интереснее.

Ну, Алина меня отвезла домой, она была на машине Павлика, красной «Тойоте», и... все. Это было около десяти. В тот вечер я ей не звонила, на следующий день – тоже, у нее был отгул, приезжал Павлик, и я не хотела их беспокоить. Позвонила только вечером, но Алинка не ответила, даже сигнала не было, я еще подумала, может, телефон упал. У меня мобильник как-то упал с балкона и вырубился, даже чинить его отказались. Кот сбросил. И Алинин домашний не отвечал. А восемнадцатого позвонил Павлик и спросил, где Алинка...

– Кот?

– Да, мой кот, Барон. Здоровый котяра, капризный, страшно не любит телефонов – знает, если звонят, то я выпадаю из жизни и не обращаю на него внимания. Вот он и сбросил мобильник с балкона, не знаю как – взял в зубы, наверное, и скинул.

– Понятно. Кот у вас, однако, – удивился Федор. – Скажите, а Алина не могла... – Он замялся.

– Пошутить? Нет, что вы! Алина любит Павлика, она так радовалась, что выходит замуж, только этим и жила последние месяцы. Павлик не очень хотел жениться, боялся, наверное... не знаю. Его первая невеста... Там у них какая-то трагедия произошла, но Алина сказала – или свадьба, или прощай. И я теперь все время думаю – это что, судьба? Его первую невесту... убили, теперь вот Алина пропала... Что это? Чуть ли не двадцать лет прошло, и снова? Я спать не могу, все думаю, где она... Господи, как страшно! – Полина всхлинула и заплакала.

Федор протянул ей салфетку. Она взяла. Промокнула слезы, вытерла нос. Федор с удивлением заметил, что на лице ее нет косметики.

– Полиночка, а что за человек Павел Зинченко?

– Нормальный мужик. Надежный, прямой. Может, немного... бесчувственный... в том смысле, что книг не читает, кино не любит, только новости смотрит, в театр его не вытащить. Если вы думаете, что это он Алину... Что вы! Да Павлик ее и пальцем не тронул бы! Он, правда, не хотел жениться... не то чтобы не хотел, а опасался, только потому что первая его невеста... А теперь и Алинка...

Тут им принесли жаркое в горшочках и красное вино...

– Мы почти пришли, я живу в этом доме, – Полина махнула рукой на многоэтажку в конце улицы. – Спасибо за ужин.

– Это вам спасибо, Полина. Можно, я вам позвоню?

Он намеренно не добавил, что у него могут быть к ней еще вопросы – она ему очень понравилась, и он не хотел, чтобы Полина чувствовала себя обязанной встречаться с ним и отвечать на его расспросы. Федор слегка запутался в собственных мыслях относительно того, почему не сказал о необходимости новой встречи.

– Знаете, Федор, давайте я возьму ваш телефон и позвоню сама, если что-нибудь вспомню.

Она, улыбаясь, смотрела на Федора, и тот восхитился, как красиво Полина дала ему понять, что... *не нужно*. Не надо звонить, приглашать ее на ужин, поить вином... И дом показала лишь издалека. Кстати...

– Можно пригласить вас на ужин? – спросил он.

Полина рассмеялась.

– Вам понравилось жаркое в горшочках?

– Очень! В следующий раз мы можем пойти в «Белую сову» или «Прадо»... Хотите?

– Я позвоню вам, Федор. Может, вы узнаете что-то об Алине.

Он вдруг притянул Полину к себе и поцеловал в щеку, ощутив запах ее волос и кожи, нежный, теплый, чуть пряный...

Он стоял и смотрел ей вслед, уверяя себя, что действует исключительно из соображений безопасности – время позднее, район довольно глухой. Это была не вся правда – ему было приятно смотреть на нее...

И имя необыкновенное... Полина! По-ли-на... несовременное, старомодное. Он возвращался домой, засунув руки в брюки, и думал. Лучше всего ему думалось во время ходьбы. До его дома было далеко, он живет на противоположном конце города, уже почти ночь, они просидели в этом... как его, «Детинце»... часа три, четыре! Ого!.. Какая славная девушка! Не кривляется. Не красится. Не употребляет словечек... ненормативных. Он поймал себя на том, что улыбается во весь рот. Необыкновенная девушка.

Вместо того чтобы думать об исчезнувшей невесте, Федор размышлял о месте женщины в жизни философа. С одной стороны, философия – это наука о смысле бытия в спокойной обстановке... кипарисовой роще, на берегу моря, и ничего отвлекающего в виде крикливых женщин и сопливых детей, а также толпы. Аскетизм – пожалуй, но в разумных пределах. Философ неторопливо шествует в окружении почтительно и трепетно внимающих его слову учеников, адептов... Тут Федор вспомнил своих студентов и вздохнул.

А с другой, ведь встречаются женщины, как бы это выразиться, оставляющие след! Они проходят мимо, проплывают, как каравеллы в белом сиянии парусов, а ты как дурак стоишь и смотришь им вслед...

«Смотри, какой умный!» – сказал бы реалист-капитан Коля Астахов.

«У тебя, Федя, заниженная самооценка, – поспешил бы на выручку добрый Савелий Зотов. – И совершенно напрасно!»

«Да разве я о себе, я вообще о человечестве с точки зрения философии и вечности», – махнул бы рукой Федор.

Глава 3

Разговоры о выставке

На другой день с утра Федор Алексеев отправился в «Магнолию», запарковался и пошел искать старшего распорядителя. Алина вернулась домой пятнадцатого и выгрузила продукты, значит, ее увезли не отсюда. Со стоянки она могла уехать с кем-то, и этого кого-то могли заметить служители. Капитан Астахов разговаривал с работниками «Магнолии», но у Федора была своя метода.

Распорядителем парковки оказался здоровенный парень в синей форме и фуражке. Федор невнятно представился, сказав, что с ним уже говорил его коллега капитан Астахов, а теперь нужно кое-что уточнить. Он даже сунул руку во внутренний карман пиджака, собираясь предъявить служебные корочки, но так ничего и не достал – как бы по рассеянности – и вместо этого спросил:

- Как часто вы видели на парковке красную «Тойоту»? Красных машин не так уж много.
- Да помню я эту машину, я ж говорил, – ответил парень. – Они часто приезжали вместе, он – здоровый мужик под сорок, она – помоложе. А иногда одна заезжала.
- А в вечер пятнадцатого июля вы видели эту машину?
- Вроде видел, в десять вечера примерно.
- Вроде?
- Может, не пятнадцатого.
- Хорошо, давайте иначе. Когда вы видели красную «Тойоту» в последний раз?
- Может, пятнадцатого... или шестнадцатого.
- Вы здесь каждый день?
- Последние две недели каждый, как папа Карло. Алик в отпуске, Петрович приболел.
- То есть после не то пятнадцатого, не то шестнадцатого вы ее больше не видели?
- Нет вроде. Не было ее.
- В этот последний раз она была одна?
- Одна. Очень спешила, мы работаем до одиннадцати, а она приехала поздно.
- А как она уезжала, вы видели?
- Нет, я был у главного, там один псих пожаловался... – Парень махнул рукой.
- То есть вы видели, как она приехала, и все?
- Я ж их не рассматриваю, вот когда рядом с машиной, тогда запросто узнаю.
- А если бы вы ее увидели в магазине, вы бы ее узнали?

Парень задумался.

– Ее узнал бы. Красивая девушка, одета нарядно, что-то белое и красный жакет. Я еще подумал, что она любит красное – и машина, и жакет. – Он задумался. И вдруг выпалил: – Видел! Я ее видел! С полной тележкой, ей еще какой-то мужик помогал! Точно! В белом платье и красном жакете! Вы спросили, и я вспомнил!

- Это был тот, с кем она обычно приезжала?

Парень пожал плечами.

- Он проводил ее до машины?
- Не скажу, не заметил. Вы думаете, он ее...
- Пока неизвестно.
- Если бы я знал, что так получится...

– Постарайтесь представить себе... вот они идут вместе, что вы подумали? Это был случайный человек, который помог красивой женщине, или знакомый? Как они держались? Какое

чувство вызвали у вас эти двое? Пожалуйста, отвечайте не раздумывая! Вам показалось, что они друзья?

– Нет!

– Они смеялись?

– Нет... подождите! Он что-то сказал, и она засмеялась!

– Сколько ему лет?

– Не знаю... лет сорок, наверное... Я не присматривался!

– Большой?

– Высокий вроде меня. Здоровый.

– Одежда?

– В черном... как поп!

– В рясе?

– Да нет же! В черном... и еще...

– Что? Борода?

– Нет!

– Длинные волосы?

– Нет вроде.

– Что? Серьга? Украшение?

– Нет...

– Цвет волос?

– Не помню.

– Тату на руках? Представьте себе, руки его лежат на поручне тележки... большие? Красные? Белые? Черные?

– Черные! Точно! – обрадовался парень. – В перчатках! Я еще подумал, на хрен это, жара даже вечером!

– Очки?

– Нет, не помню.

– Как он шел?

– Не понял!

– Быстро? Медленно? Переваливался?

Парень задумался. Снова пожал плечами.

– Какого цвета лицо?

– Лицо как лицо, не негр, не с Кавказа...

– Загорелый?

– Не знаю... как-то... не вспомню... Что-то еще...

– Голова? Плечи?

– Не помню.

Федор задал еще с десяток наводящих вопросов, но ничего больше не добился. С тем и уехал.

Он все время думал о Полине. Ему хотелось увидеться с ней, но он выдерживал характер и не звонил в салон – ждал ее звонка. Он представлял, как они увидятся – она согласилась поужинать с ним, – о чем они будут говорить...

– Выставка! – вспомнил он. – Метареализм... Интересно! – Он свернул к центру города.

Синяя с золотом доска сообщала, что художественная галерея работает с одиннадцати. Бросался в глаза стенд с объявлением о выставке всемирно известной художницы Майи Корфу, «уроженки нашего города». Федор посмотрел на часы – было одиннадцать пятнадцать – и дернул ручку. Дверь была заперта. Он дернул еще раз – с тем же результатом. Ему пришло в голову, что люди совершают массу нерациональных поступков, вроде того, который совершил сейчас он сам, пытаясь еще раз открыть запертую дверь. Что это? Нежелание смириться с результа-

том? Упрямство? Надежда на «вдруг»? Он снова дернул, посильнее, вложив в свой жест всю досаду и раздражение, и – о чудо! – дверь распахнулась! Что-то там в ней заедало. Мелодично звякнул китайский колокольчик.

Он вошел в большой светлый зал. Дежурная, молодая женщина, доедая на ходу, выскочила из подсобки. Федор поздоровался. Бросался в глаза стенд со знакомым уже объявлением и фотография художницы на стене рядом. Майя Корфу сидела на парапете не то моста, не то низкой ограды и смотрела на зрителя с легкой улыбкой. Фотография удачно передавала ощущение движения – в фигуре женщины была динамика: шла, присела, сняла соломенную шляпу, держит ее в руке, щурится на солнце, ветерок шевелит длинные светлые волосы и подол пестрого платья...

– Майя Корфу – наша землячка, – с гордостью сказала дежурная, проглотив кусок. – Согласилась привезти картины, она живет в Италии. Замечательная художница, сильная, необычная, заставляет задуматься. И как человек просто удивительная! Простая, нос не дерет, не то что наши, цены себе не набивает. Пожалуйста, знакомьтесь с экспозицией, а если будут вопросы, спрашивайте, я здесь.

– Как вас зовут? – спросил Федор.

– Светлана.

– Спасибо, Светлана. Если будут вопросы, обязательно спрошу. А вам ее картины нравятся?

– Очень! Они такие необыкновенные! Сразу чувствуешь западную школу. Хотя не все понятно и... – Она запнулась. – Ну, это вроде магии, просто душу переворачивают. Но есть и радостные! Мне нравятся цветы, например, и пейзажи, очень необычные.

Цветы, пейзажи, люди и неизвестно что – так примерно Федор, склонный к систематизации и аналитике, разложил по полочкам творчество Майи Корфу.

Он переходил от полотна к полотну, всматривался внимательно, пытаясь понять. Понять содержание можно было по-разному, субъективно, в силу характера – пессимисты видели одно, оптимисты – другое. Единого смысла, универсального для всех, не было. На то и метареализм, чтобы не было. Искажение реальности, искусство на грани подсознания, полусон, полуживь, фобии, детские страхи, сны... *Зазеркалье*.

Он постоял у картины с растением, в котором не было ничего растительного, изображено скорее животное, причем хищное, плотоядное. Из черно-красного громадного с рваными краями колокольчика торчал мощный мясистый стержень густо-красного насыщенного тона, до оторопи напоминающий фаллос. «*Amorphophallus*» было написано на табличке. Что такое *аморфифаллус*? Тропический цветок? Кактус? Бесформенный фаллос?

Лиловое поле, зеленоватое небо, черный куб с открытой дверью... «Часовня». Эта картина вызывала чувство опасности и обреченности, открытая дверь притягивала.

Женщина в белой одежде с запрокинутой головой, стоящая спиной к зрителю. Из синеголубого неба на нее несется серая каменная сфера – движение ее неотвратимо, она покрыта рытвинами и трещинами, залетела из немыслимой глубины времени и пространства... Удивительный диссонанс между неподвижной фигурой женщины и стремительно приближающейся глыбой... «*Melancholia*».

Католические монахини в чепцах с громадными торчащими крыльями, черные с белым, снова спиной к зрителю, смотрят на обнаженную девочку, она как восковая свеча, голубовато-прозрачная, тонкая, нежная, голубые соски, темный треугольничек внизу... В спинах, старых, покатых, квадратных, вожделение, ненависть, зависть... «Девочка».

Пейзаж... равнина серо-лиловая, безнадежная, плоские едва угадываемые человеческие фигуры, бесконечные вереницы фигур. «Вечность».

Мужчина и женщина в немыслимом сплетении ног и рук, гротескно-выпуклом напряжении мускулов, закатившиеся глаза женщины, их слившиеся окровавленные губы, хребет

мужчины с цепочкой острых позвонков среди белых простыней с выписанными мельчайшими складочками... «Coitus».

Федор достал носовой платок и промокнул взмокший лоб.

Дерево, растущее из ладоней. Картина, о которой говорила Полина. Женщина в наряде невесты, с букетом белых цветов, мужчина обнажен, со тщанием выписаны анатомические детали. «Вчера».

Полуразрушенный дом, заброшенный двор – в трещинах плит торчит трава. Дверь наглухо забита досками, видны мельчайшие узоры древесины, ручка вырвана «с мясом», вместо нее – черная дыра с острыми краями. В неосвещенном углу двора свален старый линялый хлам – разорванные платья, блузки с оторванными пуговицами, красные босоножки со сломанными каблуками, розовая кружевная дамская вещичка, кукла без глаз, облезшая косметика, исписанные грязные листки... Из-под хлама – женская рука, не то искусственная, не то настоящая. «Ответ».

Сине-сизая бесконечная равнина, на горизонте неровный слабый свет. Женщина, такая же сине-сизая, без глаз, без рта, стоит с опущенными руками. На голове венок из зажженных свечей. «Одиночество».

Скрюченный паук, подвешенный на красной нитке в чьих-то пальцах – снова преувеличенное внимание к деталям: выпученные круглые глаза, мохнатое брюшко и лапки, папиллярные линии на подушечках пальцев... «Судьба».

Были еще изображения парящих в пространстве бесформенных конструкций из металла, дерева, гипса, с открытыми ячейками-окнами, из которых выглядывали глаза, языки, руки. Но в этих смысла он вообще не увидел.

Да...

Федор подошел к окну. Из него была видна парковка, его собственный белый «Форд» и приземистый темно-зеленый с низкой посадкой «Ягуар» – капитан Астахов сказал бы презрительно: «пузотерка». Женщина в черном открытом платье, нагнувшись, доставала из машины сумку и широкополую черную шляпу. Заинтересованный Федор пригляделся.

Она повернулась, взмахнула головой, откидывая длинные пепельные волосы, и пошла к галерее, ступая размашисто и твердо. Федор узнал ее. Это была Майя Корфу.

* * *

– Савелий, а ты знаешь, что такое метареализм? – спросил Алексеев своего друга Зотова вечером за рюмочкой коньяка в «Тутси».

– Читал что-то, – не сразу ответил Савелий. – Это такое направление в поэзии, сравнительно новое... теория динамичного хаоса, подсознание, метафизический потенциал... Вообще-то я не очень в этом понимаю, Федор.

– Я про живопись, Савелий.

– Тут я еще меньше смыслю. А что?

– А ты знаешь, что у нас открылась выставка знаменитой художницы Майи Корфу? Она наша, местная, но сейчас живет в Италии. Майя пишет в стиле метареализма, как говорится в буклете. – Федор вытащил из кармана длинный узкий каталог и протянул Савелию.

Тот взял, внимательно рассмотрел.

– Сегодня я был на выставке госпожи Корфу, – сообщил Федор.

– И что?

– Даже не знаю, что сказать. Если бы я был психоаналитиком, я бы решил, что эта женщина несчастна, одинока, видит мир вверх ногами и сексуально озабочена. И прячется. Но я далек от мысли, что автор и его произведение находятся в гармонии. Часто это просто товар, способ потрафить моде и сделать деньги. Хотя случается и гармония, конечно.

– Почему прячется?

– Почти все персонажи стоят или сидят спиной к зрителю.

– Тебе не понравилось?

– Трудно сказать... Понравилось, пожалуй. Необычно. Она прекрасная рисовальщица с утрированным интересом к деталям. Как по-твоему, Савелий, чем современный художник отличается от живописца старой школы? Эпохи Возрождения, например?

– Техникой, наверное, потом... сюжетами.

– Сюжетами в первую очередь. Те писали библейские и жанровые сцены, пейзажи и портреты, жизнь была нетороплива и размеренна, и живопись ей соответствовала. А сейчас главное динамика и быстрая смена картинок. Чтобы привлечь зрителя, художник изоощряется, пугает и фантазирует. Эквилибристика на грани фола. Ты, Савелий, вообще знаком с современной живописью?

– Не очень. Но все это существовало всегда, Босх и еще один... итальянец, очень странные картины.

– Босх был один. А теперь их много – футуризм, космизм, символизм, метареализм и еще много всяких «измов». Такой же всплеск, как в начале двадцатого века, в годы смуты и потрясений. Красиво, зрелищно и, главное, непонятно – открывает простор для умствований. Когда я был в галерее, приехала Майя Корфу.

– Красивая?

– Как тебе сказать... нет, пожалуй. Вернее, не знаю. Интересная, значительная, уверенная в себе женщина. Успешная. Кстати, ее картины продаются в интернет-абстракт-гэлэри «Витро», и цены на них весьма и весьма высоки. Нам с тобой они не по карману. Так что сходи и посмотри, пока не поздно.

– А как ты туда попал?

– Мне рассказала о выставке одна девушка, и я решил посмотреть, чтобы не отстать. А потом сразить ее глубокими суждениями. Вот пока тренируюсь на тебе. А тебе не приходило в голову, что модернизм в изобразительном искусстве интереснее, чем в литературе?

– Я как-то не думал об этом...

– Честной компании! – раздалось у них над головами, и капитан Астахов плюхнулся на свободное место рядом с друзьями. – О чем грустим?

– Федя сегодня был в художественной галерее, – сообщил Савелий.

– С какого перепугу?

– Там выставка Майи Корфу...

– Той самой? Что-нибудь нарыл? – спросил Коля.

– В каком смысле?

– В прямом. Ты же рванул туда из-за Алины Поляковой. Я говорил с дежурной, она работала пятнадцатого июля. Говорит, было столпотворение – журналисты, фотографы, художники... Девушку в белом платье и красном жакете она запомнила, та пробилась к художнице и попросила автограф. Корфу расписалась на буклете.

– Ты думаешь, что она... – спросил Савелий.

– Кто? – вопросом на вопрос ответил Коля.

– Художница!

– Художница как художница. Пить будем?

– Подожди, Коля! Я говорил с парнем из «Магнолии», он вспомнил, что девушка, похожая на Алину Полякову, была с мужчиной... – сказал Федор.

– В черных перчатках? – перебил его Коля. – Знаю, он уже сознался. Говорит, был тут один... очень подозрительный тип, вопросы задавал. И я, говорит, сразу все вспомнил. Я заскочил показать ему фотографии Поляковой, сделанные пятнадцатого июля ее подружкой. Она забыла о них, а потом вспомнила и позвонила.

- Полина?
- Полина Скорик. А ты что... уже отметился? – Коля ухмыльнулся. – Везде поспел? Слушай, а что ты им впариваешь? Какая легенда?
- Я честно сказал Полине, где работаю. Она поняла.
- И как она тебе?
- Славная девушка, очень переживает за подружку. Новости есть?
- Новости... Присматриваем за женихом, спрашиваем соседей, коллег по работе, кассирш и клиентов «Магнолии», которые могли быть там пятнадцатого в вечернюю смену. Пока ничего.
- А мужчина, который был с Алиной, в перчатках... высокий, в черном, что-то в нем странное.
- В смысле?
- Не знаю. Что-то было странное, раз сторож обратил на него внимание. Он и сам не знает. Но, говорит, было.
- Почему в перчатках? – взволнованно спросил Зотов. – Чтобы не оставлять отпечатков пальцев?
- Здравая мысль, Савелий. Я думаю, они могли уехать в машине Алины вдвоем. Через полчаса «Магнолия» закрывалась, и ее «Тойота» осталась бы на стоянке одна. Они заехали к ней домой, выгрузили продукты и... – стал рассуждать вслух Федор.
- Если он имел место, этот мужик, – перебил Коля. В голосе его слышался здоровый скепсис. – Свидетели – это дело такое, сам знаешь. Там сотни машин.
- Знаю. Но если был мужик, гипотетически, то они могли уехать вдвоем. Тут важен временной фактор – убрать с парковки красную «Тойоту» до одиннадцати. Мы знаем, что Алина вернулась домой, занесла продукты, а потом поехала куда-то... Не представляю, куда можно было отправиться на ночь глядя.
- Ты не представляешь, а я так даже очень, – буркнул Коля, вспомнив про Ирочку, которая часто приходила за полночь, и тогда он устраивал ей воспитательные беседы с холодным душем.
- Она могла выйти из дома не по своей воле, – заметил Федор.
- Она вышла из дома сама, – сказал Коля. – Собственными ногами. Занесла продукты и вышла.
- Откуда ты знаешь? – спросил удивленно Савелий.
- Спроси у Федора. Пусть великий детектив расскажет, откуда я знаю. – Коля хмыкнул и потянулся за бутылкой.
- Федя! – воззвал Савелий.
- Алексеев не спешил отвечать. Вдруг спросил:
- Где она держала машину?
- На стоянке за два квартала от дома.
- Ты хочешь сказать, что она поставила машину на стоянку, а затем взяла ее снова? – спросил Федор.
- Ничего не понимаю! – воскликнул Савелий. – Коля!
- Ну... да. – Капитан был разочарован. – Она оставила «Тойоту» на стоянке в одиннадцать сорок две пятнадцатого июля, о чем есть запись в журнале, и взяла снова через тридцать восемь минут, то есть в двенадцать двадцать.
- Федя, как ты догадался? – спросил Савелий.
- Элементарно, – ответил тот небрежно. – Коля знает, что девушка вернулась домой и вышла еще раз, причем по своей воле. Ее не вынесли завернутой в одеяло, она вышла сама. Знать это капитан может лишь в том случае, Савелий, если у него есть свидетель. Дежурный со стоянки, например.

– То есть она вернулась домой, а потом ей могли позвонить и вызвать! – сообразил Савелий. – Или... нет! Она могла вернуться не одна, а с тем, в черных перчатках.

– Она вернулась одна, – сказал Федор. – Из свежей информации о стоянке ясно, что она вернулась домой одна.

– Почему?

– Давай смоделируем ситуацию, Савелий. Она вернулась с типом в перчатках. Гипотетически. Они занесли домой продукты. Он остался у нее, а она поехала ставить машину. Что было дальше?

– Ну... потом она вернулась в квартиру, – сказал Савелий.

– И что?

– Они могли поссориться, и она...

– ...побежала за машиной, чтобы отвезти его домой? В таких случаях мужчина уходит сам. А она зачем-то снова взяла «Тойоту». То есть за эти тридцать восемь минут произошло нечто, Савелий, что заставило ее...

– Что?

– Ей могли позвонить, как ты предположил, и сказать, что... ну, например, беда с женихом, случилась авария, или с подружкой, да что угодно, чтобы выманить ее из дома.

– Но тогда она... – Савелий испуганно переводил взгляд с Федора на Колю. – Тогда получается, что она... что они ее?..

– В любом случае так получается, – сказал Федор. – Ладно, Савелий, ты успокойся, ничего пока не известно. Посмотрим. Коля начеку, в поиске, мы вот помогаем ему по мере сил.

Все замолчали. Коля был раздражен, Савелий испуган, Федор задумчив.

– Пить кто-нибудь сегодня будет? – заговорил наконец Астахов и потянулся за бутылкой. – Слушайте, а пожрать тут у них есть?

Они выпили, и Федор спросил:

– Фотографии с выставки у тебя с собой?

Глава 4

Богема

На фотографиях была Майя Корфу, мэр со свитой, люди с камерами и микрофонами, знакомые Федору Алексею местные художники-соперники – Николай Башкирцев с женой Мариной, директором исторического музея, и Виталий Щанский. Первый – в черном костюме, с бабочкой, второй – расхристанный, в линялых джинсах, камуфляжной майке и потертой кожаной куртке.

Много оказалось фотографий с Алиной Поляковой, исчезнувшей невестой, и ни одной с Полиной Скорик. Алина, оживленная, улыбающаяся, на фоне картины с женихом и невестой; в центре зала; смотрящая в объектив, машущая рукой. Вот она рядом с Майей Корфу, что-то говорит, протягивая буклет... Художница чиркает автограф, на другой – улыбаясь, протягивает каталог обратно. Алина присела в реверансе. Белое платье, красный жакет.

На каждой фотографии обозначено время съемки. Выставка открылась в три, на самой ранней фотографии с Алиной время три сорок, на самой поздней – пять. Дежурная галереи Светлана сказала, что в пять все стали расходиться, потом художники увезли Майю Корфу ужинать. Галерея работает до пяти, но в тот день они закрылись почти в шесть. Купили три картины: одну бизнесмен Речицкий, фигура одиозная, скандалист, дуэлянт и бабник; две другие – исторический музей, причем, говорят, с хорошей скидкой – общеизвестно, что директор музея, прекрасная Марина Башкирцева, обладает жесткой деловой хваткой. Речицкий купил «Девочку». Купленные полотна будут висеть в галерее до закрытия выставки.

Федор изучал фотографии, стараясь не упустить ни одной детали. Хотя ему и самому было непонятно, что он пытается там рассмотреть.

Майя Корфу... В черном коротком платье, на шее полоска белого металла – кольцо... «*Omega!*» – вспомнил он. Плоские лодочки на низком каблучке... На правой руке – добрый десяток проволочных браслетов с мелкими подвесками – колокольчиками, бусинами, звездочками... Белый металл. Федор подумал, что мелкие украшения и тяга к деталям на полотне – ягоды одного поля.

Улыбается Алине, берет у нее из рук буклет... Хороша!

Федор потянулся за мобильником, нашел нужный номер. Виталия Щанский отозвался немедленно и радостно закричал:

– Алексеев, ты? Мы тут недавно вспоминали, как ты после водопоя читал нам лекцию о смысле жизни. Как делишки? Это ж сколько годков мы не виделись?

Был он, как всегда, жизнерадостен, в подпитии и готов к тусне.

На предложение встретиться обрадовался и снова заорал:

– Адрес помнишь? Давай, жду!

Их связывали умеренно дружеские отношения с тех пор, как капитан Алексеев помог Витале отвязаться от шантажиста. В благодарность Щанский подарил Федору свою картину – городской пейзаж, которую тот повесил дома над диваном...

Открыв дверь, Виталия бросился ему на шею, обнял, застыл на долгую минуту. Федору показалось, что художник прослезился. Движения его были слегка некоординированны, и пахло от него водкой.

– Заходи! Сейчас я на стол соображу, посмотри пока картинки!

На диване лежали большие цветные фотографии знакомых уже Федору картин Майи Корфу.

– Не нужно! – закричал он вслед художнику. – Я принес!

Следующие два с половиной часа они просидели за столом, и Виталия между делом вводил Федора в курс богемных городских сплетен.

– Этот засранец Башкирцев чуть не увел у меня заказ! – орал Виталия, размахивая вилкой. – Я уже собрался накидать ему по сусалам, но тут заказчик передумал и вернулся ко мне. А Кольке – фигасе с маком! – Он радостно захохотал. Речь его становилась слегка бессвязной.

– А эта Майя... – подтолкнул Федор художника.

– Майя Корфу? Классная баба, без фанаберии. Как художница, правда, ни то ни се, дамская живопись с претензией на двойное дно! А на самом деле ни хрена! Пусто! Но рисовальщица нормальная. Тут у нас ее выставка открылась... Боже ж ты мой! Набежало прессы, мэры с супругой, городская элита! Речицкий отоварился картиной, меценат хренов! Так хвостом и метет, взял стойку. Слушай, тут у меня фотографии... сейчас, сейчас... – Он стал перебирать снимки.

– Не нужно, я был на выставке, – сказал Федор.

– Все были. Смотри!

Федор увидел знакомый красный цветок, похожий на фаллос, и «Coitus».

– Крутое порно, ага? Я как увидел, аж в глазах померкло... Мы ее затащили на ужин в «Прадо» с Колькой Башкирцевым, его супружница тоже увязалась, народный контроль, блин! Щebetала. А Майя... я ей комплименты, ручки целую, хвалю картинку, говорю: глубокое внутреннее содержание, даже страшно!

– А она?

– Улыбается, молчит. Совсем не пьет – немного белого. Она миллионерша, чуть ли не графиня... ну, они там все графья, родовой замок в Италии. Я напросился его посетить. Она ни да, ни нет. Ну, ничего, еще не вечер!

– Как она попала в Италию?

– А как они все туда попадают? Вышла замуж за старого козла, говорят, был старше ее на полтинник. Он заплатил за учебу. Похоронила его, стала миллионершей. Да еще и торгует живописью! – Виталия фыркнул.

– Ты знал ее раньше?

– Никто не знал. Ага, задело! – обрадовался художник. – И красивой ее не назовешь, но что-то есть. Понимаешь, я же спец, у меня их столько перебы... быва... было, одним словом, страшно вспомнить! А ее понять не могу, хоть убей! Смотрит, улыбается, руку не отнимает, а глаза пустые, понимаешь? Или даже не пустые, а... черт его знает! Непро... непри... проникающие! Вроде как лесбос, а у меня все время перед глазами вот эта... с членом и... эта! – Художник потыкал пальцем в фотографии. – Это же страсть... зверство... ты посмотри на этот... это растение... какой накал, красный, пурпурный, кровавый, а? И эти двое сплелись... Это же надо про... чувст-во-вать! У меня прямо... мороз по коже, а она сидит спокойная. А я думал, что все про них знаю! Хочешь, познакомлю?

– Хочу, – ответил Федор.

– У нас намечается междусобойчик, местная богема, без галстуков... Приходи.

– Когда?

– Завтра у нее встреча с мэром, потом исторический музей – Маринка Башкирцева подсутилась. Ну, деловая баба, нигде своего не упустит! Послезавтра, значит. У Кольки Башкирцева в мастерской в восемь... погудим до утра! Пиши адрес!

Они допили бутылку, и Федор стал откланиваться.

– Слушай, а ты чего приходил? – спросил Виталия уже в прихожей. – Может, надо чего? Я всегда! Ты ж мне как брат! Ближе брата... чессслово!

– Ничего не надо, просто решил поведать, давно не виделись.

– Ага! Спасибо, рад! Простое... чче-ло-ве-чче-ское общение, а то живем как эти... кроты... позарывались. Значит, послезавтра жду! Ох и вздрогнем! До полного слета кукухи! *Быбнем!*

Тут мы сделаем маленькое отступление лингвистического характера. Слово «быбнуть» является местным богемным диалектизмом или локализмом. Интересна история его происхождения.

Несколько лет назад художник Коля Башкирцев побывал в Америке, о чем потом долго и в подробностях рассказывал. Очень его поразил один из бытующих там обычаев, а именно – приходить в гости со своей бутылкой – на приглашении так и указывалось маленькими буквами «byob», то есть «bring your own bottle», что в переводе значит – «приходи со своим пойлом», или «пссп» по-нашему, что тоже красиво.

– Охренеть! – делился Коля в компании друзей. – Зовут в гости с бутылкой! Глазам своим не поверил! Я и так принесу, не позорьтесь! Ну, америкосы позорные!

С его легкой руки слово «быобнуть», а потом просто «быбнуть» приобрело широкий смысл выпивки вообще и заняло подходящее место в ряду других, вроде нахрюкаться, бухнуть, клюкнуть, вздрогнуть и так далее.

– Ох и быбнем! – сказал Виталя с предвкушением.

Они обнялись, и художник даже всхлипнул от полноты чувств...

Глава 5

Полина Скорик

Днем было терпимо – работа, коллеги, клиенты. Люди на улице. Сплетни. Домыслы. Страшилки о банде убийц в белых халатах, продающих пациентов на органы; о торговцах людьми, умыкающих красивых девушек для заграничных борделей; о сексуальных маньяках, заточающих женщин в подвалах, и так далее и тому подобное. Полина не принимала участия в этих разговорах, слушала молча, гнала от себя дурные мысли. Главный аргумент против страшилок был – не может быть! Этого просто не может быть! Почему Алинка? Павлик Зинченко сказал, что Алинкину «Тойоту» нашли за городом, в лесу. Как она туда попала? Когда? Вечером пятнадцатого? Ночью? Алина собиралась в «Магнолию»... Они ездили туда вместе, там цены получше и продукты посвежее. Это за городом, там громадная парковка... Полина представила себе, как Алина паркует машину, выискивая местечко поближе к магазину, выходит, берет тележку, потом идет вдоль рядов, выбирает пестрые баночки и упаковки, возвращается к машине... И что потом? Встретила кого-нибудь? Мужчину?

Мужчину. Полине трудно представить себе, что к исчезновению подруги может быть причастна женщина.

И что было дальше?

Или это случилось ночью, кто-то позвонил в дверь, она открыла... Кто? Незнакомым сейчас не открывают. Она должна была его знать! Допустим, она его знала. Старый поклонник? Алина с Павликом вместе два года, какие старые поклонники? Почему именно сейчас? Может, приехал из их города? Это объясняет, почему сейчас – раньше его здесь не было, а теперь прибыл. Кто? Был такой у них Витька Булан, хулиган, Алинке проходу не давал... А больше, кажется, и не было никого, и ничего серьезного, так, детские отношения. Не верится.

Потеряла память? Бродит где-нибудь, забыв как ее зовут? Приютили добрые люди? Полиция обыскала лесок, где нашли машину, обошла поселок с фотографией. Никто ничего не видел, никто ничего не знает.

Хотели украсть «Тойоту»? В газете писали, что преступники выбрасывают владельца и угоняют машину, но Алинкина нашлась, ее не украли, а просто убрали с глаз долой. Федор объяснил, почему.

Или это тот, кто убил *первую* невесту Павла... Полина ежится. Через восемнадцать лет? Сидел и ждал, наблюдал, сторожил и, как только появилась вторая невеста, вышел из тени и ударил.

Павел не хотел жениться, теперь Полина понимает, почему. Он боялся... кого? Он знает убийцу? Того, кто мстил кому-то из них, ему или той первой. Двадцать лет... почти двадцать... большой срок, чтобы преодолеть страхи или чувство мести, остыть.

Уже не первый раз Полина думает, что убийцей мог быть Павел Зинченко. Неохотно думает, гонит проклятую мысль изо всех сил. Но ведь это возможно... Возможно! Он убил свою первую невесту и теперь... Но почему? Психопат? Нет, Павел нормальный мужик, сильный, спокойный, уверенный в себе. Алинка говорила, что за все два года он и голоса ни разу не повысил, смеялась, что с ним невозможно поскандальить.

Дальше идет провал в мыслях. Не потому, что фантазия буксует, а потому что страшно. Капитан Астахов спрашивал, не могла ли Алина уехать? Куда? К кому? Ссорилась ли с женихом? Может, хотела ему отомстить?

Нет, нет и нет! Алина никогда бы так не поступила, это подлость, Алинка не такая! Она любила Павлика. Полина вдруг понимает, что сказала «любила» в прошедшем времени,

и вздрагивает. Подсознательно она приняла смерть подруги, и это пугает ее так сильно, что Полина начинает плакать.

Сестра Алины Тамара звонит ей каждый день, спрашивает, не нужно ли приехать, тоже плачет. У нее трое малышей, их не оставишь. Полина говорит, пока не нужно, пока ничего не известно, как только... как только Алина... Алину найдут, может, она в больнице, потеряла память, она сразу же позвонит, и тогда можно будет приехать. Она лепечет, повторяя одно и то же, успокаивая Тамару, понимая, что сама не верит! Не верит, что Алину найдут! Мысль о гибели подруги вполне абсурдна, но в то, что ее найдут, Полина верит все меньше.

Она достает из сумочки салфетку с нацарапанным номером Федора Алексеева, он сказал позвонить... в случае чего. Она хочет позвонить, хотя сказать ей нечего. Но есть еще одна причина – она боится услышать, что надежды нет, что розыскники прекращают работу, мало ли всего случается, или что, наоборот, Алину нашли, но... И это самое ужасное! Она прячет салфетку обратно.

Полина гонит от себя страшные мысли, повторяя – нет, нет, нет, трясая головой, затыкая уши, зажимываясь, но проклятые сцены из фильмов ужасов стоят перед глазами! Особенно плохо ночью – легчайший скрип, едва уловимый шорох, пролетевший невзначай сквознячок – и она покрывается холодным липким потом и замирает, прислушиваясь до звона в ушах...

Капитан Астахов забрал ее фотоаппарат, сказал, чтобы отпечатать фотографии, и до сих пор не вернул. Можно было бы еще раз просмотреть снимки, попытаться увидеть то, что, возможно, не бросилось в глаза сразу, – человек, попавший в кадр дважды, или машина, или... да что угодно! Все сейчас имеет двойной смысл... везде двойное дно.

Полину обжигает мысль, что она может *его* знать, встречаться с *ним* каждый день, здороваться... *Он* – улыбчивый, приветливый, возможно, их постоянный клиент, все они с приветом. Капитан Астахов тоже так считает, выпрашивал дотошно обо всех, и на выразительном его лице была написана брезгливость.

В толпе она уже шарахается от людей...

Впору запереться дома и не выходить. Вечером Полина несколько раз проверяет запоры на двери и выстраивает пирамиды из кастрюль и тазов, чтобы в случае чего... проснуться от грохота. Читает за полночь, до двух, до трех часов, чтобы меньше времени осталось до света. В четыре уже начинает светать...

Если бы Алину нашли, как угодно... стало бы легче, исчезла бы неопределенность, которая сводит с ума.

Успокойся, призывает она себя, ничего еще не известно! Да успокойся же ты! Ради бога! Или уезжай! Возвращайся домой, мама зовет, беспокоится, боится за нее – а вдруг и ее, Полину... в этом проклятом городе! Она бы с радостью, но это будет предательством.

Утром она с трудом поднимается, бредет в ванную, умывается ледяной водой, чтобы окончательно проснуться. Варит кофе, заливает кипятком порошок овсянки, с отвращением заталкивает его в себя. Потом красится, чего обычно не делает. Но сейчас приходится – глаза красные, лицо осунулось и посерело. Значит, тон и румяна. Улыбнись, приказывает она себе. Улыбка получается вымученной. Хорошо хоть работы полно, сидишь в своем кубике, молчишь – разговаривать с клиентами у них не принято. Но тогда мучают мысли.

Утром девочки спрашивают – что нового? Это самое трудное. Пожать плечами, покачать головой, развести руками. Хорошо хоть перестали мусолить и перебирать всякие страшные случаи из газет или услышанное на улице. Время идет, подваливают новые события, у каждого свои проблемы.

Некоторые раз звонил Павлик, прибежал, расспрашивал, пытался узнать, кто был у Алины, но Полине казалось, что он испуган и поисками соперника пытается себя успокоить. Он выпрашивал, где они были пятнадцатого июля, последний день, когда она видела Алину, куда

ходили, с кем встречались. Она подробно рассказывала, пытаясь успокоить его, а он смотрел недоверчиво, подозревая ее во лжи и укрывательстве.

Теперь Павлик перестал звонить, и Полина думает, что он прочитал ее мысли, ей стыдно, она чувствует, что нужно позвонить ему, поддержать, но рука не поднимается взять трубку. Каждый умирает в одиночку... что-то было такое, книга, кажется. Каждый остается один на один со своей судьбой... в конце концов всегда.

И вместе с тем то, что Павлик не дает о себе знать, как бы подтверждает косвенно... Хватит!

Капитан Астахов расспрашивал об их отношениях, значит, думал о том же.

Федор Алексеев... нужно было держаться с ним приветливее, она отпугнула его своей холодностью, Алинка называла это «цирлих-манирлих», ах, не провожайте меня, ах, не звоните, ах-ах-ах, и вообще отойдите от тела. Дура! Провинциалка! Он хороший человек, сразу чувствуется. Молчит, не дает о себе знать, а она стесняется позвонить сама, хотя, казалось бы, ну что здесь такого? Значит, есть что-то...

Федор понравился ей – вежливый, умный, не стесняется быть смешным, смеется над собой. Без понтов, без выпендрежа. Пришел как клиент, такой вот дурацкий креатив, сказал, промашка вышла, извините, бывает и на старуху проруха. Выдержал сеанс массажа, маску, только сглатывал и держал руки по швам – за целый час не шелохнулся. Полине кажется, что между ними проскочила искра, искорка... совсем маленькая. Значит, ошиблась. Философ... Она улыбается невесело – философа среди ее знакомых еще не было.

Тоска и страх захлестывают ее, она стремительно хватается телефон и набирает номер, который знает на память. В уши немедленно врывается рев толпы, музыка, крики. «Алло! – слышит она голос Федора. – Алло! Алло! Кто это?!»

Она поспешно нажимает кнопку отбоя. Он среди друзей, им весело, музыка... женщины, наверное...

Каждый умирает в одиночку.

Глава 6

Майя Корфу

Народу собралось тьма-тьмушая. Бизнесмен-меценат Речицкий размахнулся на три ящика коньяку от себя лично. Горели разноцветные фонарики. Люди все прибывали. Закуски, правда, почти не было – Колька Башкирцев пожадничал, решил: раз тусня на его территории, то можно и со своими продуктами. На столах под стенами громадной, как городская площадь, мастерской стояли плетеные тарелочки с орешками, соленым горохом, чипсами, крекерами с крошкой сыра и тому подобной ерундой западного образца. В торце помещался импровизированный бар, который жаждущие грозили взять штурмом и где едва успевал поворачиваться длинный молодой человек в белой рубашке и галстук-бабочке.

А с другой стороны – вы что, сюда жрать пришли?

Явились мэтры, известные художники и просто художники; пришла молодежь – разномастные мелкие рыбешки и богемный планктон: оформители, дизайнеры, графики, иллюстраторы, театралышки – нахальные и бесцеремонные ниспровергатели канонов. Артистическая богема.

Все или почти все отметились на выставке Корфу и теперь пришли творчески пообщаться в неофициальной обстановке. То тут, то там вспыхивали скорые драчки насчет культурной ценности творчества художницы. Одни считали, что смогут лучше, дайте только пару миллионов на раскрутку, другие – что в ее картинах есть нечто... Настроение, магия, таинство, пограничное и запредельное *нечто*. Третьи – что Майя Корфу обыкновенная истеричка!

– Мой друг философ Алексеев, – представлял Виталя Щанский Федора, прикладывая его при этом сильной, как у грузчика, рукой, неожиданной для художника, привыкшего к кисти. После чего предлагалось выпить за знакомство. Федор пригубливал слегка – не любил пить в незнакомых компаниях, да и желания не было. Он с удивлением понял, что с нетерпением ожидает появления художницы, и все время поглядывал на дверь.

Майя Корфу и сопровождающие лица запаздывали.

Наконец она появилась и растерянно остановилась на пороге, обводя взглядом толпу. Снова в черном. «Майя Корфу!» – прошелестело по залу, все повернулись и зааплодировали. Она смотрела беспомощно, даже рот приоткрыла от волнения, на шее появились красные пятна. Потом неуверенно помахала рукой – скорее пошевелила пальцами, чем помахала.

– Майка! Лапочка! – ревел Виталя Щанский, прокладывая путь к звезде и таща за собой Федора. – Дай я тебя, мать, от души, по-нашенски!

Он схватил ее в объятия, сдавил, расцеловал три раза. Отодвинул и сказал деловито:

– Мой друг Федор Алексеев! Философ!

Она кивнула. Их глаза встретились, и Федор увидел, что она испугана. Он шагнул вперед, отделяя ее от толпы. К ним уже спешил Речицкий с бутылкой шампанского и бокалами. Пробка взлетела в потолок, шампанское запенилось в бокалах. Он протянул один из них Майе. Она, замаявшись, взяла, но пить не стала – держала в тонких пальцах. На них напирала. Речицкого толкнули, и он уронил свой бокал. Федор протянул Майе руку и повел за собой, проталкиваясь сквозь толпу. К счастью, внимание народа переключилось на стриптиз, который закатила нетрезвая гостья, и они беспрепятственно вышли на улицу.

– Вызовите мне такси, – сказала Майя хрипло. – Я не ожидала... такой толпы. Я думала... Пожалуйста! Господи, как глупо!

Она протянула ему руку. Ее пальцы были холодны как лед и слегка дрожали.

– Я отвезу вас, – сказал Федор.

Она не ответила, и они пошли к его машине...

– Я был на выставке, – заговорил Алексеев, когда они выехали из города и за окнами машины замелькали пригородные дачи и коттеджи.

Майя не ответила, пропустила подачу. Сидела безучастно, обхватив себя руками. Смотрела в окно. В черном платье, с белой полоской колье на шее.

Вокруг тянулись бесконечные поля, затянутые прозрачным туманом, густевшим на глазах. Они ныряли в низинку, и тогда фары упирались в сплошную белую стену, выныривали – и видели звезды. Туман клубился, лепя фантастические фигуры, шуршал, тянулся шлейфом и казался живым.

– Они хорошие люди, но немного шумные... – вдруг сказала Майя. Тон у нее был извиняющийся.

– Немного? – Федор едва не расхохотался. У него до сих пор звенело в ушах от рева музыки, громких голосов и ныло плечо от панибратской ладони Витали Щанского.

– Я не привыкла к... толпе, боюсь... как это называется? Боязнь толпы?

– Охлофобия, кажется.

– Вы считаете меня сумасшедшей? – вдруг спросила она.

– Нет, – ответил Федор не сразу.

– Один критик назвал меня очаровательной сумасшедшей мадам Корфу.

– Критикам тоже нужно жить.

Майя рассмеялась. Он чувствовал, что она рассматривает его.

– О моих работах вы такого же мнения?

Теперь рассмеялся Федор.

– Нет... наверное.

Он чувствовал, что ей действительно интересно его мнение, что это не кокетство или требование комплимента.

– У вас фантазия дай бог каждому, но я пока не разобрался в вашем творчестве. Во всяком случае, это сегодня востребовано...

– Вы действительно философ?

– Философ – громко сказано. Преподаватель философии будет вернее.

– Вы забыли прибавить «скромный». Какая разница? Раз вас повело в эту сторону, значит, есть мысли в голове...

Федор подумал, что сейчас она спросит о смысле жизни, но она не спросила. Помолчав, сказала:

– Востребовано, да. Но не только. Это просто совпадение. Я счастлива, когда работаю, одна в мастерской, окна раскрыты, яркий солнечный день, тишина... мои собаки рядом, даже запах краски радует... Я безмерно благодарна своему мужу за то, что мне не нужно создавать... товар, крикливо его рекламировать, *участвовать* или, как сейчас говорят – тусоваться... Понимаете, я просто пишу, рисую, строю без цели, без мысли, а потом иногда появляется смысл... сам по себе. А выдумки про подсознание, грань между реальностью и потусторонним, здесь и там просто эквилибристика, дань моде, иначе все, кто пишет в этой манере, считались бы психопатами. Не без них, конечно, как и везде, но таких единицы.

Федор промолчал. Он чувствовал примерно так же, но оставил свое мнение при себе. Он давно заметил, что мэтра раздражают критические замечания дилетанта, не просто раздражают, а приводят в ярость. От поклонника требуется лишь одно – восхищение. О живописи Федор мог судить в режиме «нравится – не нравится», а попытки объяснить, что хотел сказать автор, гиблое дело. Иногда ничего не хотел.

– Какой вы меня себе представляете? – вдруг спросила Майя.

И снова Федор почувствовал, что ей это интересно и почему-то важно, и нужна правда.

– Одинокой, напуганной, сторонящейся людей, – сказал он, не раздумывая, с ходу. Подумал и добавил: – Не прощающей... возможно.

– Однако... – пробормотала Майя. – Неужели это так заметно?

Федор пожал плечами и не ответил. Туман поредел – они выскочили из низинки. Светила луна. Вокруг стало светло, пусто и плоско. Потрясающе красивый двухмерный мир простирался вокруг. Дальше они ехали молча, еще раз обкатывая сказанное. Во всяком случае, Федор.

– Здесь нужно свернуть, – сказала Майя.

Это была деревня для богатых, обнесенная высоким металлическим забором. Перед воротами шлагбаум.

– Я сейчас, – бросила Майя и выбралась наружу. – Машина-то чужая...

В окне сторожки показалась чья-то голова, Майя что-то сказала. Голова кивнула. Послышалось жужжание электроники, поперечина шлагбаума стала медленно подниматься, а створки ворот поехали в стороны. Федор никогда здесь не был – никто из его знакомых тут не жил. Они проехали по неширокой асфальтовой дороге, свернули раз, другой и остановились у ажурной чугунной калитки. Две собаки тенью метнулись из глубины сада, вспрыгнули передними лапами на край ограды.

– Это Дашка и Машка, не бойтесь, они смирные и любят гостей. Машину можно оставить здесь. Пойдемте.

Негромко лязгнула калитка. Собаки молча бросились к Федору, облизали ему лицо горячими шершавыми языками, метнулись к Майе, потом снова к нему. Были это красивые и гибкие борзые, как определил Алексеев.

– Брысь! – Майя отпихнула одну ногой. Это вызвало новый приступ восторга, собаки запрыгали как мячики. К удивлению Федора, беззвучно. Одна из них лишь слегка взвизгнула.

Предложение оставить машину снаружи он расценил как намек на краткость визита и собирался откланяться. Но он ошибся.

– Идите к дому, я их уйму! – приказала Майя.

– Поздно, вам нужно отдохнуть, – сказал он неуверенно. Уходить ему не хотелось.

– Я все равно не смогу спать. Хотите кофе? Кофе! – повторила она с нажимом. – Я приглашаю вас на кофе. Ничего больше!

Федор не понял, что она имеет в виду – то ли в доме нет других продуктов, то ли что-то другое. Он чувствовал себя неловко, подозревая, что они звучат в разных тональностях. Пригласи его ночью на кофе любая другая женщина, он бы понял это однозначно.

– Майя, не бойтесь меня, – вдруг вырвалось у него.

– Не буду, – ответила она серьезно. – Можно на кухне? Там уютнее.

– Давайте. Люблю кухни.

Она рассмеялась.

Они сидели друг против друга за громадным столом с мраморной серой в прожилках столешницей, в тяжелых керамических кружках дымился кофе. Теперь Федор смог рассмотреть ее наконец. Узкое лицо, очень светлые глаза, тонкий нос и маленький рот, длинные прямые светлые волосы... черное платье.

Федору казалось, он понял, почему Майя постоянно в черном. Черное для нее как рамка для неброского и невыразительного карандашного рисунка или акварели, вкупе с белой полоской омеги и браслета из проволочек с десятком звякающих подвесок... Это была гармония, как он понял, инстинктивная или культивированная – не ему судить.

– Вы один? – вдруг спросила Майя.

– Один.

– Почему?

– Так получилось.

Так получилось – и что тут скажешь? Что-нибудь банальное – не встретил ту самую, единственную, или что был занят, упустил время гона, когда кипят гормоны, не хотел и не хочет бремени? Что говорят в таких случаях? Что философия предполагает одиночество?

– Вас бросили?

Федор опешил. Ну, бывало, наверное, бросали, и он бросал. Но чтобы так однозначно... Майя ставила его в тупик своей прямолинейностью, она разделяла его с непосредственностью таксидермиста или ребенка, отрывающего голову кукле, чтобы посмотреть, что там, внутри. Он вспомнил ее картину с обнаженным мужчиной и женщиной в подвенечном наряде...

– Как и всех... когда-нибудь. Но причина не в этом. Лень, наверное, еще нежелание менять уклад, свобода.

– Отсутствие тряпок и кастрюль?

– Да, наверное.

Она расхохоталась. Федор откровенно ею любовался. На шее Майи около светящейся полоски омеги остро билась голубая жилка. Зубы у нее были мелкие и очень белые.

– У меня то же самое! Мы с вами похожи, Федор. Мы заняты делом, вы – философией, я – красками. Любой союз кончается одним...

– Разрывом? – догадался Федор.

– Предательством. Хотите бутерброд?

– Хочу!

– Сейчас! – Она дернула дверцу громадного холодильного шкафа. – Есть копченое мясо, сыр, салат... Пиво! Будете?

Федор засмеялся и кивнул.

– Класс! – обрадовалась Майя. – Давно мечтала наклюкаться ночью пивом. В хорошей компании.

Федор понял, что вечер вопросов и ответов, узнавания и ощупывания друг друга «усиками» закончился. Наступило время «клюканья» и трепа ни о чем. Переключение было мгновенным.

Они просидели до рассвета, с того времени, когда ночь стала размываться неверными лиловыми сумерками, и до ослепительно-солнечного утра, ударившего в глаза через громадное открытое окно, накачиваясь пивом и разговаривая о философии, религии, литературе, морали, политике... обо всем том, о чем болтают неглупые и образованные люди после умеренной дозы спиртного, смеясь, подтрунивая друг над другом, говоря откровенные глупости.

Утром, когда уже вовсю светило солнце, на пороге вдруг бесшумно появилась крупная молодая женщина с небрежно заколотыми волосами и уставилась на них неприветливыми черными глазами.

– Идрия! – воскликнула Майя, удивившись, и бросила взгляд на часы-кукушку на стене около буфета. Часы показывали семь. И вдруг как чертик из коробочки из глубин механизма выскочила пестрая кукушка, и раздалось металлическое «ку-ку». Алексеев вздрогнул.

– Федор, это моя домоправительница Идрия, – представила женщину Майя.

Федор привстал. Женщина не шевельнулась, в смуглом грубоватом лице ее не дрогнул ни один мускул. Она стояла на пороге, нагнув голову, и в упор смотрела на них.

– Здравствуйте, Идрия, – сказал Федор.

– Она не понимает, – пояснила Майя. – Я привезла ее с собой. – Она произнесла короткую фразу на итальянском, женщина повернулась и исчезла. – И не воспринимает мужчин. Она из Боснии, не то боснийка, не то цыганка. Ее изнасиловали боевики, и она с тех пор... – Майя развела руками. – Ей было двенадцать. Я нашла ее на улице в Риме и... взяла к себе.

– Мне пора, – Федор поднялся, испытывая сожаление, что все закончилось.

– Я чудесно провела ночь, – произнесла с улыбкой Майя. – Пьяная и счастливая! Спасибо, Федор. Так приятно поговорить с умным человеком.

В свете яркого утреннего солнца дом был великолепен! Стеклянная северная стена, грубый серо-желтый камень кладки, темно-красная черепица. Кусты с пышными кистями розовых и белых соцветий.

Собак нигде не было видно.

– Отец строил, – сказала Майя. – Иногда мне кажется, что я приезжаю сюда только из-за этого дома. Позвоните мне, Федор. Здесь у меня никого не осталось.

Она стояла перед ним босая, в холодной росной траве, зябко обхватив себя руками, в коротком черном платье, с металлической полоской на шее и необычным браслетом с едва слышно звякающими подвесками. Смотрела на него, улыбаясь...

«Колье похоже на ошейник, как у рабынь», – вдруг подумал Федор и тут же удивился извилистости собственного ассоциативного мышления...

Он возвращался домой после ночи, проведенной с красивой и необычной женщиной. Рот его непроизвольно расплывался в улыбке, он вспоминал их ночные посиделки на кухне... Звонок мобильного заставил его вздрогнуть. Мелькнула мысль: «Майя!», абсолютно иррациональная – у художницы номера его телефона не было. Это оказался Виталя Щанский.

– Ну ты, Алексеев, и ходок! – заорал он в трубку пьяно и радостно. – Слинiali по-английски, да? Хватились, а мадамы и след простыл! Ты хоть ее трахнул? Или философы выше этого? Как она тебе?

– Иди к черту! – с чувством сказал Федор и отключился.

Через минуту телефон взорвался снова.

– Виталя, отстань!

– Нет, ты скажи! – с пьяной настойчивостью потребовал художник. – Речицкий хочет тебя вызвать на дуэль! Ты хоть морду набить ему сможешь, философ? Они тут просто все осто... охренели, когда ты увел ее прямо из-под носа! Я был... э... это самое... горд! Мой друг, говорю, поняли? Поручик Алексеев! И клал он на вас, засранцев, с прибором! Хорошо быбнули, до сих пор аж... Ты где сейчас?

– Дома, – соврал Федор.

– Не свисти! В тачке, я слышал сигнал!

– Окно открыто.

– Темнила ты, Алексеев, не ожидал. Сейчас! – заорал он кому-то и пропал. Федор с облегчением отключился.

Глава 7

Павел Зинченко

Павел хватился Алины только восемнадцатого и позвонил ее подруге Полине. Та ничего не знала, забеспокоилась, сразу прибежала, а потом приехал капитан Астахов и предложил проехать в Бородинку, где обнаружили его машину, красную «Тойоту». Она была спрятана в леске около поселка. И тогда Павел понял, что с Алиной случилась беда. Розыскники с собаками прочесали лесок, обошли с фотографией Алины поселок, но никаких следов девушки не нашли.

Капитан Астахов дотошно выпрашивал, где он был, с кем, когда вернулся, почему сразу же не позвонил никому из друзей и не стал искать невесту. Объяснениям, что задержался на один день ненамеренно – так получилось, заключил контракт, засиделись, потому приехал семнадцатого вместо шестнадцатого, – Астахов не верил и продолжал задавать те же вопросы снова и снова – почему задержался, были ли ссоры, почему именно Бородинка. Вопросы били в одну точку – доказать, что он, Павел Зинченко, причастен к похищению. Вытащили из архивов то, старое дело... Две его женщины, две невесты, одна была убита накануне свадьбы, другая исчезла...

Восемнадцать лет назад убили Тоню... За день до этого они поссорились – они часто скандалили – яростно, в бешенстве бросая друг другу чудовищные обвинения и упреки, а однажды даже подрались! Спустя время Павел понял, что это игра гормонов, они были молодые, безбашенные, полные обжигающего желания, когда от малейшего прикосновения сносит крышу, и после драки они любили друг друга так же яростно. Он выдерживал характер, не звонил, а она в это время...

Павел вспоминал, как его забрали из дома, ничего не объяснив, привезли на допрос. Он, обескураженный, мямлил что-то, расписывая по минутам три предыдущих дня. Он помнил чувство полнейшей беспомощности и растерянности, первый допрос, крик следователя... Павел потом долго думал, почему его не арестовали сразу – по оплошности или не верили, что он убийца? Но так ни до чего и не додумался.

В итоге он сказал им то, что должен был сказать, справедливо рассудив, что лучше оказаться подлецом, чем убийцей. Он провел ночь с другой женщиной, их ничего не связывало, они были просто старыми знакомыми. Ее тоже допрашивали, она подтвердила его показания. Мать Тони кричала, что он убийца, развратник, маньяк, что она всегда была против этой свадьбы, она знала, чувствовала...

Ему казалось тогда, что весь город считает его убийцей.

У него были другие женщины потом, но он выстраивал четкую грань между собой и ими, и за эту грань хода им не было – никаких планов на будущее, никаких обязательств, никаких обещаний. Отношения распадались после нескольких месяцев, он без сожаления расставался с ними. Он много ездил по стране, содрогающейся в конвульсиях преступлений и рэкета, когда жизнь не стоила и понюшки табака. Вдвоем с напарником Костей Силичем они возили картошку из Беларуси в Крым, отбиваясь от русской, украинской и татарской мафии. Он уезжал в поездки, испытывая странный азарт, чувствуя себя игроком, не зная, удастся ли вернуться живым. Потом Костя женился и перестал ездить.

С Алиной было все по-другому, она не висла на нем, ничего не требовала. Они встречались два года, и она сказала, что хочет ребенка. Да и он уже не мальчик, пора определяться...

Исчезновение Алины было как гром с ясного неба! Он гнал от себя мысль, что это продолжение... За восемнадцать лет он многое передумал. Восемнадцать лет – достаточный срок,

чтобы на подсознательном уровне созрело понимание того, что произошло. И главное – кто! Кто? Кому выгодно? Зачем унесли ее туфли? Какой смысл вложил в это убийца?..

Странно и жутко вытянутая фигура женщины в красном и черном на желтых листьях снилась ему несколько лет. Страшно было сознавать, что он, возможно, знает убийцу, встречается с ним, тот следит за ним издали с любопытством вивисектора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.